
В. Г. АДМОНИ

Скальды при дворе конунгов

О поэзии скальдов как о необычайно своеобразном виде поэтического искусства подробно говорится в нескольких книгах, появившихся за последнее время в серии «Литературные памятники».¹ Поэтому я ограничусь самыми общими сведениями об этой поэзии, а в основном отмечу лишь те ее черты, которые могут иметь известное значение для положенных, выдвинутых здесь Д. С. Лихачевым.

Скальдическая поэзия расцветает в Исландии в IX—XIII вв., но получает широкое распространение в той или иной мере среди всех скандинавских народов того времени, однако особым путем. Ее носителями являются в основном сами исландцы в своих частых странствиях по всему региону, где жили и воевали в это время скандинавы. Некоторое значение наряду с исландскими скальдами имеют лишь скальды норвежские.

В формальном отношении скальдические песни отличаются необычайной изощренностью. В семантическом плане здесь существенно крайне усложненные, часто напоминающие загадки метафоры: многочленные (так наз. кенинги) и одночленные (хейти). В плане фонетическом здесь важно сочетание аллитерации с рифмой, а в плане композиционном — переплетение синтаксических единств и их прерывистость, т. е. «перебивание» одного синтаксического единства другим или даже другими единствами. Однако тематически эти песни были крайне конкретны, даже фактографичны, т. е. привязаны к ситуации, и оценочны. Самы ситуации могли быть весьма различными. Скальдическая виса (наиболее распространенный вид небольших произведений скальдов) бывала часто непосредственным откликом-экспромтом на какое-нибудь незначительное частное происшествие, но нередко фиксировала и существенные исторические события, эпизоды битв и т. д. А в более развернутых видах скальдических песен воздавалась хвала конунгам, прославлялись заслуги умерших и т. д. Впрочем, и висы нередко использовались, чтобы восславить конунга. В целом песни скальдов недаром являются одним из главных исторических источников для изучения скандинавского прошлого той поры.

Скальды, даже самые именитые, не были профессионалами-поэтами. Они не только слагали песни, но занимались вместе с тем обязательно и иной деятельностью, часто были викингами, порой дружинниками конунгов. Они сражались в битвах, ездили с поручениями конунгов, — а кроме того, сочиняли свои песни. И конунги ценили их как за их брачную и иную службу, так и за их хвалебные песни. Иногда в дружине одного конунга было несколько скальдов, а один из них был самым любимым.

Подтверждается это обильным материалом древнеисландских саг.

¹ Младшая Эдда. Л., 1970; Поэзия скальдов. Л., 1979; С. Стурлусон. Круг земной. М., 1980. — Наиболее подробно о скальдах и их поэзии говорится в статье М. И. Стеблина-Каменского «Скальдическая поэзия» в книге «Поэзия скальдов» (с. 77—130). Там же (на с. 128—130) дана подробная библиография.

С одной стороны, родовые саги,² повествуя о жизни тех исландцев, которые умели слагать скальдические стихи, нередко отмечают, как высоко ценилось их искусство при дворе конунгов. Так, знаменитому скальду Эгилю Скаллаgrimссону английский конунг Адальстейн дарит за хвалебную песню «два золотых запястья, каждое из которых весило марку, а кроме того — дорогой плащ со своего плеча» (перевод С. С. Масловой-Лашанской).³ Гуннлауг Змеиный Язык, также знаменитый скальд, получает от дублинского конунга Систриугга Шелковой Бороды «отделанное золотом платье и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в одну марку» (перевод М. И. Стеблина-Каменского).⁴ Любопытно, что Систриугг, в честь которого раньше никто еще не писал хвалебных песен, сначала хочет вознаградить Гуннлауга даже двумя кораблями.

С другой стороны, в королевских сагах, посвященных жизни конунгов, а сквозь эту призму историческому прошлому скандинавских народов,⁵ часто говорится о скальдах, входивших в дружину конунга, бывших «его людьми». Искусность скальда именно как скальда оказывается подчас весьма существенной для отношения конунга к дружиннику-скальду. Так, норвежский конунг Олав Трюггвасон приглашает скальда Халльфреда, слывшего человеком своенравным и неблагоразумным, в свою дружину и дарит ему сперва пустые ножны, но обещает, что подарит ему и меч, если тот сложит вису так, чтобы в каждой ее строке содержалось это слово. Халльфред сочиняет такую вису — и получает меч.⁶

О широком присутствии скальдов в дружинах конунгов и ярлов свидетельствует то, что об одной и той же битве часто сочиняют висы несколько скальдов, иногда выражающих позиции разных участников сражения. Так, в повествование о морской битве при острове Свёлд вплетены висы четырех скальдов: Скули сына Торстейна, Халльфреда Трудного Скальда, Халльдора Некрещенного, Торда сына Кольбейна.⁷ Два исландских скальда, Гицур Белый и Гицур Черный, находились одновременно в дружине шведского конунга Олава.⁸ Нередко прямо упоминается об особой приязни конунга к какому-нибудь скальду. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» говорится, что скальд Тьодольв «был сердечным другом конунга» (перевод М. И. Стеблина-Каменского).⁹ В «Саге об Олаве Святом» сказано, что скальд Хьяльти «был в чести у шведского конунга Олава» (пер. Ю. К. Кузьменко).¹⁰

Особенно рельефно вырисовывается положение скальдов в дружине конунга в обширной «Саге о Святом Олаве» на примере двора самого Олава Святого. Любопытно, что первоначально этот конунг вообще был противником скальдического искусства поэзии и совсем не хотел, чтобы скальды воспевали его в своих песнях. Вероятно, причина заключалась здесь в том, что конунг был ревностным христианином, между тем как распространенные в скальдической поэзии метафоры (кеннинги и хейти) широко применяли имена и понятия древнескандинавской языческой мифологии. Однако одному из скальдов (Сигвату) удается преодолеть предубеждение конунга. Об этом говорит следующий эпизод: «Сигват уже с детства был хорошим скальдом. Он сочинил песнь об Олаве конунге

² Об исландских родовых сагах см. вступит. статью М. И. Стеблина-Каменского к кн.: Исландские саги. М., 1956, с. 7—18.

³ Исландские саги, с. 165.

⁴ Там же, с. 38—39.

⁵ О королевских сагах, содержащихся в знаменитой книге Снорри Стурлусона «Круг земной», см. в указанном примеч. В русском издании этой книги статья М. И. Стеблина-Каменского (с. 581—596) и А. Я. Гуревича (с. 612—632).

⁶ С. Стурлусон. Круг земной, с. 148—149.

⁷ Там же, с. 158—166.

⁸ Там же, с. 207.

⁹ Там же, с. 56.

¹⁰ Там же, с. 208.

и попросил его прослушать ее. Конунг сказал, что не хочет, чтобы о нем сочиняли стихи, и не любит слушать скальдов. Тогда Сигват сказал:

Внемли мне, и скальда
Ты себе, вяз рыси
Смоленой бурунов,
Доброго добудешь.
Когда отвергаешь
Прочих ты, тем паче
Я воздам в избытке
Олаву хвалу.

Олав конунг подарил Сигвату за эти стихи золотое обручье весом в полмарки, и Сигват стал дружинником конунга» (перевод прозы Ю. К. Кузьменко, перевод стихов О. А. Смирницкой).¹¹ Следует отметить, что в этой виле никаких мифологических черт не содержится (кеннинг «вяз рыси смоленой бурунов» означает война, а внутри него кеннинг «рысь бурунов» означает корабль). И в дальнейших своих песнях Сигват избегает мифологизмов, отличаясь вообще несколько более простой и лирической поэтикой. Однако другие скальды, которые постепенно сгруппировались при дворе конунга, мифологических элементов в виле не чуждались.¹² Но любимым скальдом конунга и самым близким к нему оставался Сигват. Это ясно видно из подробного описания расстановки дружинников вокруг конунга перед битвой при Стиккластадире, в которой Олав Святой был убит:

«Говорят, что когда Олав конунг построил свое войско, он поставил вокруг себя людей, которые должны были защищать его щитами. Для этого он отобрал самых сильных и ловких. Потом он позвал к себе своих скальдов и велел им быть рядом с ним.

— Вы должны, — говорит он, — стоять здесь и видеть все, что происходит, собственными глазами, тогда вам не придется полагаться на рассказы других, ведь потом вы должны будете рассказать об этой битве и сложить о ней песни. Там были Тормод Скальд Черных Бровей и Гицур Золотые Ресницы, приемный отец Ховгарда-Рэва. Третьим был Торфинн Рот. Тормод сказал Гицуру:

— Не будем стоять вплотную друг к другу, товарищ, оставим место и для Сигвата скальда, если он придет сюда. Он наверняка захочет стоять перед конунгом, да и конунг будет недоволен, если перед ним окажется кто-то другой.

Услышав эти слова, конунг сказал:

— Не надо винить Сигвата за то, что его здесь нет. Он часто бывал со мною в сражениях, а сейчас, он, наверно, молится за нас, это нам теперь нужнее всего.

Тормод говорит:

— Возможно, конунг, что молитвы тебе сейчас всего нужнее, но вокруг твоего стяга сильно поредело бы, если бы все твои дружинники отправились молиться в Румаборг. Мы просто хотели сказать, что, правду говоря, вы никого так охотно не слушали, как Сигвата» (пер. Ю. К. Кузьменко).¹³

¹¹ Там же, с. 188—189.

¹² Ср. статью О. А. Смирницкой «О поэзии скальдов» в кн.: С. Стурлусон. Круг земной, с. 607—610. — Однако для эпохи, когда жил Олав Святой, вряд ли можно предположить, что «первоначальная мифологическая мотивировка кеннингов играла минимальную роль», как это утверждает в общем виде для скальдической поэзии О. А. Смирницкая (с. 609), хотя в отдельных случаях выветривание мифологической семантики, конечно, могло иметь место и очень рано.

¹³ С. Стурлусон. Круг земной, с. 351.